

Исаак закрыл глаза и отполз в угол рядом с камином.

Хотя она срывала свой гнев на других, это был лишь вопрос времени, когда ее гнев будет направлен на него.

Рене, охваченная гневом, была нечеловеческой. Она выплескивала свой гнев на все, что попадалось ей на глаза.

Независимо от того, был ли это ее ребенок или любой другой ребенок.

Поэтому, чтобы не быть замеченным, лучше было свернуться калачиком, как будто ты мертв. Исаак зарыл лицо между коленями и искренне молился о том, чтобы время шло быстрее.

Когда исчезли и звук, и свет, он оказался в кромешной тьме с постоянно скрученным телом.

Еще более маленькими руками он хватался за свои стройные икры и крепко сжимал их. Если бы он мог сжать себя в маленькую, крошечную форму, то однажды он смог бы исчезнуть из реальности.

'Как долго я должен оставаться в таком состоянии?'

Послышался слабый голос.

"...Айзек."

Откашлявшись, мальчик снова назвал имя Айзека. Когда он поднял голову, рыжеволосый мальчик посмотрел на него и потряс Айзека за плечо.

Неизвестно, как долго он пролежал, свернувшись калачиком, так как во всем его теле не было никаких ощущений. Когда он коснулся пола дрожащими руками, все его тело произвольно покатилося по полу. Наблюдавший за ним ребенок помог Исааку подняться.

"На столе остался хлеб, так что ешь".

"...Рене?"

"Она ушла на работу и сегодня не вернется. Я пойду стирать, так что не выходи на улицу и сиди дома".

Исаак послушно кивнул.

Рене, которая считала своего второго сына инструментом на пути к успеху, беспокоилась, что он пострадает от когтей герцогини, поэтому запретила Исааку выходить на улицу.

Успокоенный тем, что он послушен, ребенок снова похлопал Айзека по плечу.

В глазах ребенка была смесь таких эмоций, как грусть, извинение, беспокойство и жалость.

".....Как я тебе завидую....".

Хотя голос ребенка звучал меланхолично, у Исаака волосы встали дыбом от зависти к Исааку, что было ясно видно по его обеспокоенному тону.

Они оба родились в одной лодке, но его старший брат даже не знал, кто его отец, в то время как Исаак был рожден с благородной кровью. С той лишь разницей, что одному служили как святыне, а другой вел жизнь, подобную рабской.

Исаак склонил голову и сделал вид, что не услышал. После небольшого вздоха и звука шагов. Только после того, как дверь закрылась, Исаак смог спокойно закрыть глаза.

Чтобы защитить себя от трясины своей жизни, Айзек выбрал метод - отсечь все свои мысли.

Это было не так уж сложно - полностью опустошить свой разум, в котором изначально ничего не было.

Быстро прошел день, когда он закрыл глаза, прислонившись к стене, как машина, не испытывая ни мыслей, ни чувств. Это был самый эффективный способ пережить темный день.

Темнота.

Снова темнота.

Как будто он заснул. Как будто ему приснился сон. Конечно, поскольку он ничего не помнил, он не мог быть уверен, что это был сон, прошедший через его сознание.

Когда граница размылась, в ситуации, когда было непонятно, сон ли это в его сказочной картине или реальность внутри его сна, в его тупой голове раздался резкий звук трещины.

"Он собирается бросить меня и взять только Исаака? Это бессмыслица!"

На звук разбивающегося стекла он резко открыл глаза. С другого конца гостиной, потемневшей от ночи, доносился пронзительный крик.

"Сколько времени прошло с тех пор, как он шептал сладкие ноты и слова любви? Неужели он

теперь бросит меня? Гехерн, ты ж*па! Как, как он мог так поступить со мной?!"

"Нет, мама. Разве не было написано в письме, что он скоро приедет и заберет тебя. Он сказал, что после того, как уговорит свою жену, он обязательно приедет за мамой... Он обязательно приедет за нами".

"Ты действительно в это веришь? Ты такая же, как этот дурак!"

После пронзительного крика наступила тишина. Страшное чувство поднялось по шее и душило Айзека.

Когда он с силой выпрямился, по всему телу разлилось ощущение онемения. Не обращая внимания на боль, Айзек двинул дрожащими конечностями в сторону источника шума.

Слова, которые выкрикнул Рене, насильно пробудили его затуманенное сознание.

'Он собирается забрать меня. Гехерн...

'Он заберет только меня, а Рене и моего брата оставит позади'.

'Почему только меня...?'

'...Мне нехорошо'.

В то же время, громкий крик прорвался сквозь его мысли.

"Аргххх! Мама!"

"Что за нелепый парень. Мы? Мы?! Как он посмел упомянуть о нас? Неужели ты думал, что кто-то вроде тебя может войти в этот дом? Неужели ты думал, что только потому, что я тебя родила, я буду брать тебя с собой?!"

"Уф! Прости, прости...!"

"С тех пор, как я тебя родила, ничего хорошего не произошло. Возможно, если бы не ты, мне бы не пришлось жить как п*р*ститутка...! Только потому, что я родила нечто подобное... Я родила ребенка, личность отца которого неизвестна!"

Звук чего-то опрокинутого, со звуком крика и плача. Звуки побоев были вплетены между ними, как будто для того, чтобы оживить происходящее.

Звук ударов слева и справа вскоре сменился протяжным криком.

Хотя это происходило регулярно, сегодняшний крик был необычайно длинным. Айзек вытер потные ладони о штаны и осторожно толкнул дверь, чтобы она не издала ни звука.

В конце длинного коридора перед глазами Айзека возник образ Рене, тащившего своего старшего брата за волосы. Его маленькие ножки пинались в воздухе, прежде чем исчезнуть в комнате, оставив после себя лишь пустую тень. Когда раздался стук захлопнувшейся двери, холодный пот, выступивший на лбу, скатился вниз и упал на ресницы Айзека.

Эта комната.

Комната Рене, из которой ты выходил с разбитой частью себя.

Когда он впервые вошел в эту комнату, у него был сломан зуб, а во второй раз - сломана рука.

Рене применяла насилие не день и не два, но сегодня она была исключительно злобной, причем до такой степени, что вошла в эту комнату.

Куда еще она пыталась проникнуть? Больше нигде не было места, которое можно было бы разрушить.

'В таком темпе, может ли быть, что брат...'

'... если он умрет...'

У него пересохло во рту при мысли, что его единственный защитник может умереть. Ощущение того, что его подбородок дрожит, было очень непривычным.

Его рука, дрогнувшая возле кармана брюк, медленно направилась к столу. Рядом с подсушенным хлебом лежал длинный тупой нож. Айзек, не раздумывая, взял нож и направился к комнате, в которой исчезли двое.

В его голове все еще было пусто. В своих действиях он полагался только на инстинкты. Причина была неясна, но он знал, что время пришло.

Он знал, что больше не может быть сторонним наблюдателем по отношению к своей жизни.

"Просто иди и умри! Если бы ты тогда умер! Мне бы не пришлось растить такой мусор...!"

По мере того как Айзек приближался к концу коридора, крики и стоны становились все

громче. Никогда еще голос Рене не был таким раздражающим, как сегодня. Крики его брата никогда не были такими душераздирающими, как сегодня.

'Что будет существовать в конце такой реальности?'

'Ради чего мы терпим такую реальность?'

Непонятные вопросы, которые всегда крутились в его голове, увеличились в размерах и поглотили его голову. И страх, и беспокойство покинули его, оставив вопросы о жизни, заставив Айзека двигаться.

Он открыл дверь. Рене не обратил внимания на скрип открывающейся двери, сосредоточившись только на пытках брата. За грубой фигурой сразу же стало видно маленькое тело, избитое и распухшее по всему телу.

Как только его испуганные глаза увидели Исаака, в его глазах вспыхнула надежда. Когда их взгляды встретились.

...Исаак понял ответ на вопрос, заполнивший его разум.

"Ты хочешь жить?"

Несмотря на то, что это было сказано очень мягким голосом, его брат, который сразу понял, быстро кивнул. В ответ на его ответ на тонкой руке Айзека, державшей нож, проступили вены.

"Я спасу тебя".

Поняв, что дверь открыта, Рене повернулся к Исааку. Айзек, который пошевелился раньше нее, посмотрел на Рене и поднял руку.

"Я выполняю то, что хочет мама".

"Айзек! Что ты делаешь...!"

'Разве ты не хотел умирать каждый день?'

Мягкий шепот рассеялся без следа от последовавшего крика.

Его взгляд заколебался, прежде чем снова стал ясным.

Исаак, который двигался, был не тем Исааком, над которым издевалась его мать, а тем, который размышлял о своих мечтах. И причиной его колебаний было не чувство вины ребенка, причинившего вред своей матери, а сострадание и печаль, которые он испытывал к самому себе.

"...Нет... Иса..."

Имя, произнесенное с ненавистью, исчезло в пустоте. Глаза, смотревшие на Исаака, потеряли блеск и погрузились в пустоту.

После смерти осталась лишь жуткая тишина.

Айзек, тяжело дыша, крепко сжимал нож. В расширенных зрачках черных глаз плескалось безумие, и они неотрывно смотрели на его мать.

Это еще не конец.

Она может снова проснуться. Она снова ударит меня... За то, что я пытался ее убить".

Я должен сделать так, чтобы она умерла. Чтобы она никогда не смогла встать".

Руки со стекающей кровью снова поднялись. Рыжеволосый мальчик, который растерянно сидел на земле, был потрясен его движениями и повис на ногах Айзека.

"Стой, стой! Все кончено! Все кончено..."

Все кончено. Все кончено.

Возможно, слова "все кончено" засели в его сознании, вызвав слезы на щеках брата. Вскоре после этого он начал рыдать на полу.

"Неужели все кончено?"

Видя, что она не двигается, неужели все кончено?

...Теперь она больше никогда не проснется?

Это было странное чувство. Оно казалось беззаботным, но ему было не по себе. Когда это безымянное чувство удовольствия проходило через его тело, оно беспомощно заполняло пустоту внутри него.

Айзек рассеянно подошел к углу комнаты. Он крепко сжал нож, словно это был спасательный круг, и присел в привычной позе.

Слова, которые последовали вскоре после этого, были простыми, без малейших признаков мрачности.

"Гехерн сказал, что возьмет меня?"

Эти слова вырвались из его коленей, пробившись сквозь крики брата. Мальчик, который плакал, сжимая сломанную лодыжку, фыркнул и кивнул. Исаак продолжал тихо, все еще глядя в пол.

"Ты хочешь пойти со мной, брат?".

"...Да".

"Этот человек может быть кем-то вроде Рене. Нет, он может быть еще хуже".

"..."

"Даже если так... Ты хочешь пойти?"

Исаак поднял голову и посмотрел на своего старшего брата. Ирония заключалась в том, что пятнистое и перепачканное лицо его брата было ярче, чем все, что Исаак когда-либо видел раньше.

"Я хочу уйти. Я хочу... жить. Я хочу жить правильно...!"

Сверкающие глаза снова исказились, и потекли слезы. При виде плачущего старшего брата лицо Исаака тоже постепенно начало искажаться.

'Я не хочу жить'.

Когда он родился, у него не было причин для существования, и он терпел день за днем. Исаак был предметом, который обеспечивал будущее Рене, когда она состарится, а для его старшего брата - больным местом, с которым у него были отношения любви и ненависти. Он был предметом, чье место было приседать у камина, а также незаконнорожденным ребенком человека по имени "Гехерн", который однажды заберет его.

Это было все.

Исаак не знал о себе ничего. Не было ни потребности знать, ни потребности любопытствовать. Сосуд, в котором ничего не было, давно потерял желание жить.

Но умереть из-за этого он не мог. Помимо страха и страданий, для такого ребенка, как Исаак, смерть была неизведанной территорией. В ситуации, когда он не мог сделать выбор, жизнь была не более чем чем-то, через что Исаак должен был пройти.

Было бы хорошо, если бы он мог исчезнуть вот так.

Но его старший брат сказал, что хочет жить. В узком мирке Исаака единственный человек, который заботился о нем, сказал, что хочет жить. Он хотел пойти туда вместе с Исааком.

'Я не хочу жить'.

"Я..."

Откуда-то слышался звук удара. Затем последовал звук шагов.

Звук шагов незнакомого человека мог напугать рыжеволосого мальчика, поэтому он снова разрыдался и закрыл лицо руками.

"Я хочу уйти. Я не хочу больше оставаться здесь..."

Пронзительный голос брата вбил клин в его трепещущее сердце.

Это было отчаянное восклицание, которое продлило жизнь Исаака.

----□□----

<http://tl.rulate.ru/book/64575/2028079>